

"Речь", г. С. Петербург.  
1912. 7 февраля.

## Чеховъ и Коммиссаржевская.

10 февраля исполняется годъ со дня смерти В. Ф. Коммиссаржевской. Къ этому дню комитетъ, въ лицѣ А. Гучкова, Е. Карпова и Ф. Коммиссаржевскаго, выпускаетъ задуманный имъ еще въ прошломъ году «Сборникъ памяти В. Ф. Коммиссаржевской», составленный подъ ред. Е. Карпова. Изыщю изданный сборникъ богато иллюстрированъ множествомъ фотографій В. Ф. въ разные періоды ея жизни, въ разныхъ роляхъ и т. д.

Среди цѣлаго ряда статей, вносящихъ много новаго въ біографію В. Ф., особый интересъ представляетъ ея переписка. Теплымъ, дружескимъ чувствомъ дышатъ письма къ ней А. П. Чехова.

«... Вы плывете въ Астрахань,—пишетъ онъ ей.—Вы здоровы, или, по крайней мѣрѣ, не серьезно хвораете и даже работаете, а я апплодирую вамъ изъ своей трущобы. Я радуюсь, что у васъ благополучно, но не завидую, что вы путешествуете по Волгѣ. На Волгѣ всегда вѣтеръ, пахнетъ нефтью, пейзажи однообразны и публика на пароходахъ скучная—все картузы и дешевыя цѣпочки на жилетахъ, не съ кѣмъ поговорить и не бываетъ интересныхъ встрѣчъ. На морскихъ пароходахъ куда интереснѣе. ...Доктора запретили работать,—пишетъ А. П. о себѣ,—и я теперь изображаю нѣчто, похожее на театральнаго чиновника: ничего не дѣлаю, никому не нуженъ, но стараюсь сохранить дѣловой видъ...»

«Я огорченъ, Вѣра Федоровна,—читаемъ въ другомъ письмѣ.—Вы задали мнѣ неразрѣшимую задачу. Во-первыхъ, я во всю жизнь мою никогда не писалъ рецензій, для меня это китайская грамота, во-вторыхъ, я не пишу въ «Новомъ Времени». Я огорченъ, что не могу исполнить вашего желанія, и боюсь, что не повѣрите, до какой степени я огорченъ. Ваше желаніе для меня свято и не умѣю исполнить его—это ужъ совсѣмъ конфузъ. Кстати сказать, въ «Новомъ Времени» я не работаю уже давно, съ 1891 года... Вы пишете, что имѣете успѣхъ; мнѣ это извѣстно, я радуюсь и въ то же время мнѣ досадно,—досадно, что не приходится видѣть васъ. Вы превосходная артистка, только жаль, что нѣтъ у васъ подходящаго entourage'a, нѣтъ театра, нѣтъ товарищей. Вамъ бы хотѣ въ Москву, въ Малый театръ. Тутъ все-таки больше на искусство похоже и между артистами немало хорошихъ людей! Въ Москвѣ вы имѣли бы громадный успѣхъ, вообразить даже трудно...»

«...Съ какими удовольствіемъ я поѣхалъ бы теперь въ цивилизованныя страны, въ Петербургъ, на примѣръ, чтобы пожить тамъ, потренировать свою особу. Я чувствую, какъ здѣсь я не живу, а засыпаю, или все ухажу, ухажу, ухажу куда-то безъ остановки, безповоротно, какъ воздушный шаръ. А пьесу все-таки пишу и кончу ее, вѣроятно, въ сентябрѣ и тогда пришло вамъ».

Чеховъ постоянно сообщаетъ В. Ф. Коммиссаржевской о своихъ работахъ. «Три сестры» уже готовы,—пишетъ онъ ей,—но будущее ихъ, по крайней мѣрѣ ближайшее, покрыто для меня мракомъ неизвѣстности. Пьеса вышла скучная, тягучая, неудобная; говорю—неудобная, потому, что въ ней, на примѣръ, 4 героини и настроеніе, какъ говорятъ, мрачнѣй мрачнаго.

Вашимъ артистамъ она очень и очень бы не понравилась, если бы я послалъ ее въ Александринскій театръ. Какъ ни какъ, все же я пришлю ее вамъ. Прочтите и рѣшайте, стоитъ ли лѣтомъ везти ее на гастроли. Теперь она читается въ Художественномъ театрѣ...»

«... Не написать ли мнѣ для васъ пьесу?—спрашиваетъ Чеховъ.—Не для театра того или другого, а для васъ. Это было моею давней мечтой. Ну, да какъ Богъ дастъ. Если бы мнѣ прежнее здоровье, то я и разговаривать не сталъ бы, а просто сѣлъ бы писать пьесу теперь же.

«... Вы пишете... «иду съ той вѣрой, которая, если разобьется, убьетъ во мнѣ...» и т. д. Совершенно справедливо, вы правы, только ради Создателя не ставьте этого въ зависимость отъ новаго театра. Вы вѣдь артистка, а это то же самое, что хорошій морякъ. На какомъ бы пароходѣ, на казенномъ или частномъ, онъ ни плавалъ, онъ всюду—при всѣхъ обстоятельствахъ остается хорошимъ морякомъ... Желаю вамъ здоровья, силы и успѣховъ, и чтобы хоть одинъ день въ недѣлю вы были совершенно счастливы...»

Отрывки изъ писемъ В. Ф. Коммиссаржевской къ разнымъ лицамъ, приводимые въ сборникѣ, освѣщаютъ яркимъ свѣтомъ затаенныя уголки ея души.

«Я не скверная,—говоритъ В. Ф. о себѣ въ одномъ письмѣ,—но во мнѣ есть что-то проклятое...»

«Зло громадное, неоправимое—существованіе такихъ людей, какъ я. Это вполнѣ сознательная фраза...»

«...Оставаюсь лицомъ къ лицу съ природой, невольно заглядываешь въ тѣ уголки себя, куда слишкомъ рѣдко заглядываешь и такая тамъ масса пошлости, земного и грѣшнаго, что не понимаешь, какъ же жить съ этимъ? Какъ изъять это изъ себя?»

«...У меня большая душа и я жгу жизнь съ двухъ концовъ, чтобы не чувствовать вѣчной боли. Боль эта состоитъ въ томъ, что я твердо, до дна души убѣждена въ своемъ бессилии сдѣлать въ жизни что-нибудь большое, а съ малымъ не хочу, не умѣю примириться изъ-за самолюбія ли, изъ-за тщеславія,—не все ли равно, боль одинакова и задунуть ее не можетъ ни успѣхъ, ни поклоненіе...»

«...Вы думаете, я вѣрю во все это обоженіе, что окружаетъ меня? Все это до поры, до времени, а въ глубинѣ я очень одинока...»

«...Что бы я ни переживала, для меня нѣтъ счастья, потому что разъ моя душа найдеть удовлетвореніе,—я уже не буду, я буду уже не я».

«...Если бы сейчасъ явился волшебникъ и спросилъ, что я хочу, я бы сказала—дара слова. Господи, какъ скоро я убѣдила бы людей въ томъ, какъ прекрасна можетъ быть жизнь, если всѣ будутъ стремиться «по настоящему» къ прекрасному».

Чистая прибыль съ сборника предназначена въ фондъ имени В. Ф. Коммиссаржевской. Пожелаемъ же ему успѣха.

О. В.—нѣ.